

Она медленно сказала Сервиньи, очевидно, затѣмъ только, чтобы не молчать:

— Вы постоянно ее дразните. Вы разовьете въ ней дурной характеръ и всякія дурныя качества.

Онъ отвѣтилъ:

— Вы, значитъ, не dokonчили ея воспитанія?

Она какъ будто не поняла и продолжала привѣтливо улыбаться. Но тутъ увидѣла торжественнаго господина, всего изукрашеннаго звѣздами и крестами, и побѣжала ему на встрѣчу:

— Ахъ! князь! князь! — какъ я рада!

Сервиньи опять взялъ подъ руку Савала и, уводя его, сказалъ:

— Вотъ послѣдній серьезный претендентъ, князь Кравалонъ. — Неправда ли, что она великолѣпна?

Саваль отвѣчалъ:

— Я нахожу, что онъ обѣ великолѣпны. Я готовъ удовольствоваться мамашей.

Сервиньи поклонился ему:

— На здоровье, mon cher!

Танцоры толкали ихъ, размѣщаясь для кадрили.

— Теперь пойдемъ взглянуть на шулеровъ, — сказалъ Сервиньи.

И они вошли въ игорную комнату, гдѣ вокругъ карточныхъ столовъ толпились мужчины и глядѣли. Говорили мало и по временамъ слышался стукъ золота, бросаемаго на сукно, и звонъ металла сливался съ ропотомъ человѣческихъ голосовъ, точно деньги тоже заявляли свое мнѣніе среди людского говора.

Всѣ эти господа были въ орденахъ, и съ строгими лицами. Ихъ можно было различить главнымъ образомъ по бородамъ. Накрахмаленный американецъ съ бородой въ формѣ лошадиной подковы. Высокомѣрный англичанинъ съ вѣероподобной растительностью на лицѣ, закрывавшей грудь. Испанецъ съ густой щеткой черныхъ волосъ до самыхъ глазъ. Римлянинъ съ громадными усами, которыми надѣлилъ Италію Викторъ-Эммануилъ. Австріецъ съ бакенбардами въ видѣ котлетъ и пробритымъ подбородкомъ. Русскій генералъ съ усами въ видѣ двухъ толстыхъ пивковъ и французы съ ухарски закрученными усиками свидѣтельствовали о фантазіяхъ цирюльниковъ всего міра.

— Ты не будешь играть? — спросилъ Сервиньи.

— Нѣтъ. — А ты?

— Здѣсь, никогда! — хочешь домой?

— Мы придемъ сюда въ другой разъ, когда будетъ потише.